

УДК 711.01

МАРЧЕНКО ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, докт. культурологии, профессор,
teneshev@yandex.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств,
630099, г. Новосибирск, Красный пр., 38

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ДЛЯ XXI ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Раскрываются актуальные проблемы методологии средового проектирования. В качестве перспективного гуманистического направления новой методологии полагается культуроцентризм и этнокультурная обусловленность проектных решений. В статье приводится культурвигалистское объяснение привлекательности архитектурной старины. В качестве важнейшего условия воспроизводства и роста потенциала жизненных сил горожан рассматриваются культурологические и антропоэкологические аспекты формирования городской среды.

Ключевые слова: средовой подход; историческая застройка; коммерческий потенциал территории; культурный потенциал территории; жизненные силы; техногенная антропофагия; антропоэкология; этнокультурные факторы; культурвигалистский подход.

YURIY G. MARCHENKO, DSc, Professor,
teneshev@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Fine Arts,
38, Krasnyi Ave., 630099, Novosibirsk, Russia

URBAN ENVIRONMENT IN THE 21ST CENTURY: CULTURAL STUDIES AND ANTHROPOLOGIC ECOLOGY

The paper presents relevant problems of urban environment. The culture centralism and ethnocultural conditions are suggested as perspective humanistic direction of design solutions. The culture-vitalistic explanation is suggested to explain the attractiveness of the architectural antiquity. The most important conditions of the reproduction and development of the vital potential of citizens are considered to be the culturological and anthropo-ecological dimensions of the formation of urban environment.

Keywords: environmental approach; historic buildings; commercial potential; cultural potential; vitality; anthropophagism; anthropoecology; ethnocultural factors; culture-vitalistic approach.

Наиболее общие положения проблемы

В наше время самым распространённым словом из тех, которыми характеризуется положение дел в любой сфере жизни общества, является «кризис». Его называют «острым», «глубоким», «затяжным», «системным». На исходе XX в. российское общество встретилось с самой большой угрозой – кризисом смысла своего существования.

Задать новый виток развития на глубокую перспективу могут стратегические национально-государственные смыслы. Необходимы цивилизационные сдвиги в теории и практике в целом и, как следствие, в каждой отдельной сфере жизнедеятельности. Цивилизационными сдвигами с их особенностями осуществления в национальных культурах народы продлевают свою историю и обеспечивают будущее.

Цивилизационный сдвиг – это принципиальное изменение образа жизни, его мировоззренческих и идеологических оснований. Среди таких «сдвиговых» концепций можно назвать ноосферный и пневмосферный проекты будущего В.И. Вернадского и П.А. Флоренского; «благоговение перед жизнью» А. Швейцера; коэволюцию Н.Н. Моисеева; теорию «человеческих качеств» А. Печчеи; ноосферизм с его центральной идеей перехода к управляемой социоприродной эволюции (А.И. Субетто и др.); двоецентрие (атропоцентризм плюс христоцентризм) христианской традиции мысли и др. Концепции различаются по духовным основаниям, что затрудняет их синтез. Человечество остаётся пока единым в сокращении жизнеёмкости планеты.

Большой город – эпицентр этого процесса. Сконцентрировавшееся в мегаполисах человечество самоперерабатывается в новый тип живого – homo urbanus с иными физическими, душевными и духовными качествами. Техносфера, созданная человеком, жёстко трансформирует своего создателя «под себя», в соответствии с законами жизни техники. Техносфера живёт, во всём подражая биосфере: «ест», «пьёт», «дышит» (техническая респирация), «рождает» (машины делают машины), «лечится» (ремонт), «рычит», «плюётся», «кусается»... На наших глазах сбывается предвидение В.В. Маяковского, заявившего в 1925 г. по возвращении из Америки о том, что «если на технику не надеть эстетического намордника, то она покусает всё человечество». Теперь уж есть и технетика, которую называют естествознанием второй природы.

Выдающийся современный российский учёный А.И. Половинкин утверждает, что «техносфера приносит больше вреда, чем пользы», и «имеет место возрастающая техногенная антропофагия, пожирание научно-техническим прогрессом тела, души и духа человека» [1]. Из этого факта следует обнадёживающий вывод о необходимости переосмысления научно-технического процесса, отделения мнимых его целей от действительных, как и необходимости «остановить опасную секуляризацию науки и техники».

Эйфорическое восприятие научно-технического прогресса во второй половине XX в. привело всех к конфузу, как и самих «эйфористов» – учёных и политиков. Привычные критерии успешности научно-технического прогресса в новых условиях бессмысленны. Их эволюция продвинулась от меры «цемента, стали и чугуна на душу населения» до меры товаров «ширпотреба» на ту же душу. Тем временем проблемы – экономические, политические, экологические, демографические, образовательные, градостроительные и всех важнейшие духовно-нравственные – продолжают обостряться. Общество обесточивается, обессиливается. Здесь дано своего рода общеситуационное введение к формированию новой – средовой градостроительной парадигмы.

Средовой подход, причины его внедрения и назначение

С последней четверти XX в. традиционный архитектурно-ансамблевый подход в градостроительстве стал вытесняться средовым. Мотиваций средового подхода существует несколько. Одним из первых на нововведение откликнулся А.Г. Раппапорт, увидевший в отношениях архитектурной ансамблевости и средового подхода проблему отцов и детей, иначе – традиции и новаторства. Предполагалось даже, что средовой текст можно будет воспринимать так же, как и архитектурную композицию, и считать возможным их будущий синтез. Таким образом, мыслилось образование некоей новой архитектоники.

Складывались первые представления о новом подходе к градостроительству. В его содержание включаются аспекты гуманизации и дегуманизации застраиваемого пространства, как и застарелые сложности их различения. «Проектировщики делают вывод, – отмечал А.Г. Раппапорт, – о необходимости приспособления современной морфологии среды к параметрам человеческих потребностей, изучаемых в эргономике, психологии труда и досуга и т. п. [2, с. 125]. В «и т. п.» включим – в социальной психологии, эстетике, этике, экологии природы, экологии культуры, антропоэкологии... При этом даём себе отчёт в том, что мы пока ещё далеки от общепринятых критериев оценки качества создания городской среды, основанных на выводах столь широкого круга наук.

Обзор средовых исследований обнаруживает довольно много причин попыток внедрения этого подхода. Назовём наиболее существенные. Средовой подход к градостроительству явился ответной реакцией на глобальный экологический кризис, ставший реальностью на исходе 1960-х гг. Одни архитекторы в средовом подходе видят «переориентацию с экономико-политических целей на социально-психологические и эколого-физиологические» [3, с. 17], другие не выходят за пределы проблем сохранения существующего композиционно-целого, искусства хотя бы и квазигармоничного встраивания зданий-новоделов в обжитое пространство. Так, А.А. Скокан средовым называет такой подход, при котором «большое или приоритетное значение уделяется пространственному окружению, особенно когда это окружение имеет достаточный исторический подтекст» [4]. «Переориентация», о которой сказано выше, затянулась на долгие десятилетия, и, за редкими исключениями, она остаётся теоретической, бумажной. Нет и критериев оценки средовых проектных решений. Есть лишь региональные решения по отдельным характеристикам, например по высотности новостроек в Москве.

Однако проработка профессионального и общественного сознания продолжается, приводятся новые аргументы в пользу средового подхода. «Средовая парадигма видит в человеке не просто «пользователя», – пишут Н.В. Багрова и М.А. Куценкова, – а создателя собственного окружения. Модели пользователя как обитателя и создателя среды здесь сливаются» [5, с. 24]. Правда, «слияние» ипостасей в практике архитектурного проектирования возможно, если руководствоваться классической максимой – поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой.

Важнейшими аспектами средового подхода при застройке и реконструкции города специалисты в последнее время называют экологический, эстетический, гуманистический и этнокультурный. Этнокультурность при формировании городской среды можно считать пока лишь провозглашённой, притом только частью теоретиков и практиков архитектуры. Аспект же антропоэкологический и вовсе не называется. В свою очередь, немнимое гуманистическое градостроительство требует от проектировщиков глубоко заинтересованного сочетания национально-особенного (этнокультурного) и общемирового оснований и соприродных национальной культуре архитектурных форм и эстетики.

При всём прочем непреложно следование принципу преемственности как важнейшему условию органического развития градостроительной культуры. Коль скоро архитектуру больше всего сравнивают с застывшей музыкой, то при формировании городской среды должна твориться «симфония эпох», «оркестровка» сооружений исторических и новых. «Застывают» в камне и идеи, смыслы. При «вживлении» новых объектов в архитектурно-пространственное целое можно применить термин «социализация» с той целью, чтобы это «целое» не раскололось на непримиримые части. Такой подход сходен с удачной социализацией молодых поколений, когда они органически вписываются в народный и общественный организм и предупреждаются болезненные конфликты. Здания, как и люди, должны быть «воспитаны» своими создателями, и тогда они будут лучшими «воспитателями» всех. Но такие решения исключены в революционные периоды. Во времена перемен происходит отказ от исторических жизненаправляющих идей, с лица земли сносится их материальное воплощение. И уж не до забот о том, как сочетается «новоидейный» объект с существующей застройкой, как и о восприятии его людьми.

В настоящее время мы переживаем рецидивы «зачистки» архитектурно-художественного наследия. Член-корреспондент РААСН А.А. Скокан, называя историческую застройку «невосполнимым ресурсом», заявляет, что «никогда прежде с такой активностью и в таких количествах не сносились историческая застройка (в Москве. – Ю.М.), как сейчас» [4].

Снос исторической застройки и возведение новой в 1920–1930-е гг. мотивировались революционным мировоззрением и идеологией без национально-культурного содержания, «без россий и латвий». В «деидеологизированные» 1990–2010-е гг. преемственность в градостроительной культуре, как и этнокультурная привязка проектов, вновь игнорируется. Вдалеке от практики оказалось требование первой статьи Кодекса профессиональной этики российского архитектора: «Среда, которую профессиональные архитекторы призваны сформировать, должна выражать дух народа и отражать сущность его культуры» [6].

Проблема преемственного развития зодческой культуры встала одновременно и в число причин, вызвавших к жизни средовой подход. В середине 1960-х гг. началось открытое противодействие сносу исторической застройки (в первую очередь в Москве). Общественная энергия материализовалась в создании в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Две экологии – природная и культурная соединились

в этой защитной деятельности. Приоритет до «перестройки» отдавался сохранению исторического и культурного наследия, играющему ключевую роль в воспроизводстве ощущения неповторимости и своеобразия народного существования. С изменением государственно-политического строя в стране акцент был перенесён на материальные ценности, природные ресурсы. Экологии культуры, души и нравственности были вытеснены на периферию общественного внимания.

В современных условиях, когда инженерно-технические возможности в градостроительстве необычайно возросли, городская среда трансформируется скоро, масштабно и радикально. Железобетонные, стеклометаллические конструкции в российских городах «борются» теперь с небесным сводом и горизонтом. Нет и речи о ценности исторических панорам и контуров, а тем более о старинных благодатных «прозорах» на чудесные виды и дали, когда становится «небо с овчинку» и местоположение светила-жизнедателя становится неопределимым. Надземная и подземная этажность и их площади стремятся к балансу.

Западная готическая архитектура устремлялась в небо, как вожди патристики, искала Бога. Поиски эти проэволюционировали до вызова Ему, до «штурма небес» в виде небоскрёбов и утверждения человекобожеского идеала. В русском мире в православном церковном зодчестве не было готики, ибо Бог был найден и «обшаривать» небо строениями-великанами не требовалось. Здесь положение человека иное. Он не червь в глубоких архитектурных расселинах, не тоскующая песчинка в холодном пространстве. Причины «вертикальной мобильности» в градостроительстве коренятся в особенностях духовного опыта западных народов. А поэтому архитектурная демонизация панорам российских городов – чуждое явление и неизбежные плоды «копирующего развития».

Глобализация по американскому варианту деструктивно коснулась не только России. Настроения в защиту национального культурного наследия, облика городов повсюду усиливаются. Так, французы сохранили историческую панораму своей столицы, отдав «современным» архитекторам для «самовыражения» небольшой район Дефанс.

Первопроходцы гуманистического и экологического архитектурного мышления, добившиеся и значительных практических результатов (Алвар Аалто, Ян Гейл и др.), искали путей, на которых можно было бы спастись от индустриализма, но при этом сохранив приносимые им блага. Перед всеми мыслящими, а не только архитекторами встаёт вопрос: как, увлекшись площадями, воздушными и световыми объёмами и подобным прочим, не обменять красоту на комфорт? Одно определённо ясно, решая эту проблему, без отказа от наиболее опасных достижений техницистского мышления и практики в обозримом будущем не обойтись.

Восстановится, надеемся, и ведущая роль архитектора в градостроительстве. В настоящее время она у инвестора с его абсолютизацией рентабельности застраиваемой территории, с мощным «согласительным» бюджетом. В городах энергично разбирались (и разбираются) выгодные для «первоначального накопления» площади, в пригородах – самые привлекательные места для элит-

ных посёлков финансово равнодостоинных персон. Сдерживать демонстрацию художественных вкусов новой элиты некому и на свободных территориях, и давно занятых. «Новая элита», социальная «решётка» формировались не по критериям квалификации, служения Отечеству, а по имущественному цензу при хорошо поставленной нейтрализации общественного интереса к происхождению имущества. «Точечная» застройка, новые квазидворянские гнёзда, «вкусовые» коттеджные «групетто», псевдостарина с причудливыми башенками и «красными воротами» и подобное прочее – это «каменная летопись» зятянувшегося безвременья, а то и «вещественное доказательство». «До градостроительной сферы последефолтный бум, опиравшийся на конъюнктурный приток нефтедолларов, докатился лишь к середине 2000-х гг., породив феномен «городов для миллионеров», вполне соответствовавший эпохе компрадорско-олигархического капитализма» [7, с. 5].

Антропоэкологическая проблема формирования городской среды

Утверждение, что человек формирует среду своего обитания, а среда формирует человека, аксиоматично. Все затруднения в «общении» со средой требуют от человека дополнительной траты жизненных сил. Среда со всем её предметным наполнением должна «говорить» с обитателями на их языке, должен быть диалог. Несоприродное разумению и переживанию окружение повышает, осознаём мы это или не осознаём, уровень напряжения всех органов чувств, настораживает. Добровольно в этих местах люди долго не задерживаются. Городская среда, сформированная без учёта этнокультурных факторов, насыщенная визуальными и звуковыми инокультурными ценностями, делает обитателей как бы посетителями чужой страны с непонятной им культурой и повышает напряжённость, трату жизненных сил как ответ на неродственность и неизвестность. Длительное пребывание человека в денационализированной среде преждевременно расточает его жизненные силы.

С 1990-х гг. проявилась тенденция превращения российских городов (тон задаёт столица) в мировые сетевые однообразные города. «Неприветливые» архитектурно-конструктивистские образы, агрессивность стеклянных и железобетонных полей с бесконечной штампованной оконной «дробью» не располагают к восхищению, тонким душевным движениям. Красивые здания, как и заповедные природные места, напеты, наплаканы, намолены поколениями и делаются средоточием жизненных сил. Красотою национально-художественных форм накапливается и передаётся по поколениям благодатное энергетическое наследие. Наука всё более уверенно подступает к разгадке этой тайны, но на жизненном опыте люди давно установили жизнедеятельность прекрасного во всех его видах – от шедевров храмоздательства до человеческих отношений. Наука больше накопила свидетельств о благотворности влияния на человека светлой, мелодичной музыки и чистого слова. Так, современный японский профессор Эмото Масару исследовал влияние высокого и низменного слова на структуру молекулы воды. Низменное слово, установил учёный, обезображивает её, высокое – восстанавливает природное изящество. Аналогичные результаты ещё в 1960-х гг. получил индийский профессор Бёзе, наблюдая влияние слова на развитие цветочных растений.

Жизнеподъёмную, исцеляющую силу оркестра «Боян» под управлением народного артиста СССР и России А.И. Полетаева подтверждают документы Минздрава РФ и других экспертных организаций. Многолетние исследования влияния разных музыкальных жанров, включая и рок-музыку, на настроение и самочувствие слушателей успешно проводил в МГУ им. М.В. Ломоносова и МГК им. П.И. Чайковского профессор В.П. Морозов. Одни жанры дают жизненных сил больше, другие – меньше. Есть «музыка» и отнимающая жизненные силы. Неслучайно в последние десятилетия специально подобранная музыка включена в качестве оружия в арсеналы армий мира. Актуально изучение воздействия образцов архитектуры разных ордеров и стилей, монументального искусства на «общающихся» с ними людей. О перспективности такого направления говорит и установление Ф.Я. Шипуновым структурирующей и saniрующей роли колокольного звона, церковного пения, накупольных крестов как остриев стока энергии.

Энергетическая теория этноса Л.Н. Гумилёва согласно вступает в круг обозначенных исследований. Этнос-энергетическое поле может быть консонирующим или диссонирующим другому этносу-энергетическому полю с его культурными предпочтениями. Это обстоятельство в свою очередь формирует в историческом времени притяжение или, наоборот, отталкивание между ними. Каждый этнос по-своему «звучит» и имеет свою певческую культуру. Национальные образы мира – своеобразные «визитки», «лики», «коды» народов. Они выражаются в вершинах зодчества и других творениях народного духа. Внутренние, на уровне генетической памяти, художественные черты народа подвергаются деструкциям, когда длительное время наводятся на них несоприродные мелодии, гармонии, ритмы, темпы, громкости, да ещё вкуче с непонятным словом. Энергетически и антропоэкологически не нейтральны и архитектурные формы. Требование Устава российских архитекторов о необходимости этнокультурной обусловленности проектирования, выходит, не только этическое требование, но и психо-инженерно-энергетическое, антропоэкологическое.

Негативная среда не питает её обитателя, а представляет собой испытательный полигон выживания. Замечено же, что в так называемых жилмассивах, состоящих из мрачных грязно-серых панельных многоэтажек, выше уровень алкоголизма, вандализма, заболеваемости, преступности. Перенаселённые территории таких массивов пустуют, особенно вечерами. Новые проспекты и площади после пропуска людей на работу и с работы также пустыньны. Старые городские центры и кварталы вечерами наиболее посещаемы, особенно молодёжью, располагают к отдыху, глубокому общению, свиданиям и прогулкам. Природа вдохновения, подъёма и упадка настроения энергетическая, как и отношение к старине.

Каждая эпоха запечатлевает себя в вещественных и невещественных свидетельствах – архитектурных, литературных, философских, музыкальных... Время подъёма и благополучия оставляет после себя художественные формы, устремляющие дух человеческий к Истине, Добру, Красоте. Жизненные силы счастливых поколений сосредоточиваются в шедеврах мастеров. Аккумулированная в шедеврах творческая энергия через резонансное восприятие их людьми способна неизмеримо возрастая. Время смуты и упадка не рождает высо-

ких образцов ни в какой сфере творчества. Неслучайно трагический XX в. и начало XXI теоретики архитектуры называют временем не только социальных, но и урбанистических утопий. Этот период отмечен радикальными трансформациями «отчаянно сопротивляющейся действительности» [7, с. 4].

От огненно-революционных 1920–1930-х гг. остались жёсткие опыты конструктивистов, «цеховая архитектура», крикливые, по преимуществу маршевые песни-агитки. Сердце народа не было с революцией (Г.В. Свиридов). Великие творения культуры не являются делом одних только гениальных творцов. В них воплощается дух народа. Состояние же духа в разные периоды разное. Академик В.П. Казначеев как-то заметил, что здания в новых, штурмом построенных городах (городах энергетиков, сталеваров, алмазодобытчиков) разрушаются скорее старых. Из этого следует, по крайней мере, рабочая гипотеза: отсутствие декора, художественности при нестабильном, особо текучем населении ослабляют конструкции, убывает сила сцепления частиц в них.

Радка Димитрова назвала город Варну «сбережённой энергией прошлого». А болгарский архитектор Люляна Панайотова утверждала, что «старинные здания – это один из видов сохранившейся энергии, которой необходимо найти применение» [8, с. 27]. Это уже культурвиталистский подход к наследию. Здесь культурная деятельность интерпретируется как своеобразный процесс накопления жизненных сил, а все её совершенные результаты – их источники, накопители и проводники. Начало витализации социального, гуманитарного и искусствоведческого знания положила алтайская школа виталистской социологии [9–12]. Культурвиталистское направление – очередной шаг в развитии теории жизненных сил человека, общества и самой культуры.

Антропоэкология началась с забот о биологическом состоянии человека. Теперь же открывается сфера более важная. У тринитарного человека и три уровня здоровья – духовное, душевное и телесное. Оказалось, как испорченные пищевые продукты вредят телу, так испорченные и несоприродные культурные «продукты» вредят душевному и духовному строю человека. Неблагополучие в душевно-духовном мире скоро или нескоро передаётся органам и тканям.

Существует вопрос о месте разрушения в историко-культурном развитии общества. Разрушения бывают неоправданными и оправданными, неизбежными. Наши потомки, может быть ближайшие, скорее всего, демонтируют архитектурно-строительные эксцессы, оздоравливая городскую среду. А с развитием антропоэкологической культуры станут невозможными произвольные корпоративные «самовыражения» в любой отрасли творчества. В архитектурно-средовом проектировании в первую очередь – по причине беспримечной долговечности его результатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Половинкин, А.И.* Православный взгляд на современную техническую реальность / А.И. Половинкин. – Условия доступа : <http://www.metodolog.ru/00677/00677.html>
2. *Раппапорт, А.Г.* Множество технологий и гуманизм среды / А.Г. Раппапорт // Общество, архитектура, научно-технический прогресс : сб. науч. тр. – М. : ЦНИИП градостроительства, 1987. – С. 121–127.

3. *Викторова, Л.А.* Человек и архитектура. Создание среды жизнедеятельности / Л.А. Викторова // Архитектура и строительство России. – 2013. – № 1. – С. 2–15.
4. *Скокан, А.А.* Проблемы средового подхода в московской архитектуре / А.А. Скокан. – Условия доступа : <http://www.vevivi.ru/best/Problemy-sredovogo-podkhoda>
5. *Багрова, Н.В.* Особенности современной интерпретации средового подхода в архитектуре / Н.В. Багрова, М.А. Кущенко // Ползуновский вестник. – 2014. – № 1. – С. 22–26.
6. *Кодекс профессиональной этики российского архитектора.* – Условия доступа : <http://arch2010.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.12.2014 г.).
7. *Редакционная статья* // Вестник архитектуры. – 2013. – № 6 (135).
8. *Димитрова, Р.* Варна – сбережённая энергия прошлого / Р. Димитрова // Болгария. – 1988. – Июль.
9. *Григорьев, С.И.* Жизненные силы человека / С.И. Григорьев, Л. Д. Дёмина, Ю.Е. Растов. – Барнаул, 1996.
10. *Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века.* – М. : Издательский дом «МАГИСТР-ПРЕСС», 2003.
11. *Григорьев, С.И.* Основы виталистской социологии XXI века / С.И. Григорьев. – М. : Гардарики, 2007.
12. *Григорьев, С.И.* Экология культуры ноосферной цивилизации: основы сохранения и развития жизненных сил человека и общества в России XXI века (начала культурологии современного русского мира) / С.И. Григорьев, Ю.Г. Марченко. – М.; Новосибирск : Русаки, 2009.

REFERENCES

1. *Polovinkin A.I.* Pravoslavnyi vzglyad na sovremennuyu tekhnicheskuyu real'nost' [Orthodox view on modern technical reality]. Available at : www.metodolog.ru/00677/00677.html (rus)
2. *Rappaport A.G.* Mnozhestvo tekhnologii i gumanizm sredy [A lot of technologies and environmental humanism]. *Coll. Papers 'Society, Architecture, Scientific-Technical Progress'* Moscow: TsNIP gradostroitel'stva, 1987. Pp. 121–127. (rus)
3. *Viktorova L.A.* Chelovek i arkhitektura. Sozdanie sredy zhiznedeyatel'nosti [man and architecture. Creation of vital activity environment]. *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii*. 2013. No. 1. Pp. 2–15. (rus)
4. *Skokan A.A.* Problemy sredovogo podkhoda v moskovskoi arkhitekture [Environmental approach to Moscow architecture]. Available at: www.vevivi.ru/best/Problemy-sredovogo-podkhoda (rus)
5. *Bagrova N.V., Kushchenkova M.A.* Osobennosti sovremennoi interpretatsii sredovogo podkhoda v arkhitekture [Modern concept of environmental approach to architecture]. *Polzunovskii Vestnik*. 2014. No. 1. Pp. 22–26. (rus)
6. *Kodeks professional'noi etiki rossiiskogo arkhitekatora* [Professional ethics code of Russian architect]. Available at: <http://arch2010.ru/index.php?id=79/> Last visited Dec. 2014 (rus)
7. *Redaktsionnaya stat'ya* [Leading article]. *Vestnik arkhitektury*. 2013. No. 6 (135).
8. *Dimitrova R.* Varna – sberezhennaya energiya proshlogo [Varna as saved energy of the past]. Bulgaria, 1988. Iyul'. (rus)
9. *Grigor'ev S.I., Demina L.D., Rastov Yu.E.* Zhiznennyye sily cheloveka [Vital forces of man]. Barnaul, 1996. (rus)
10. *Zhiznennyye sily russkoi kul'tury: puti vozrozhdeniya v Rossii nachala XXI veka* [Vital forces of Russian culture: revival ways in Russia in 21st century]. Moscow: Magistr-Press Publ., 2003. (rus)
11. *Grigor'ev S.I.* Osnovy vitalistskoi sotsiologii XXI veka [Principles of vitalistic sociology of the 21st century]. Moscow: Gardariki Publ., 2007. (rus)
12. *Grigor'ev S.I. Marchenko Yu.G.* Ekologiya kul'tury noosfernoi tsivilizatsii: osnovy sokhraneniya i razvitiya zhiznennykh sil cheloveka i obshchestva v Rossii XXI veka (nachala kul'turologii sovremennogo russkogo mira) [Cultural ecology of noospheric civilization: preservation and development of vital forces of man and society in Russia in 21st century]. Moscow; Novosibirsk: Rusaki Publ., 2009. (rus)